

Томас Мертон

НОВЫЕ СЕМЕНА СОЗЕРЦАНИЯ

Перевод с английского
О. Раевской-Хьюз

SALVEMUS!

2010

Томас Мертон — американский ученый-монах, член братства траппистов, один из крупных духовных писателей XX в. Наиболее известна его книга *The seven storey mountain* («Семярусная гора»), которую иногда сравнивают с "Исповедью" св. Августина. Погиб в Таиланде в 1968 г. (несчастный случай).

Содержание

Что такое созерцание?

А это не созерцание

Не мы решаем пробудиться, но Бог решает
разбудить нас

Уединение, не разъединение

Тело с переломанными костями

Что такое созерцание?

Созерцание — это высшее выражение умственной и духовной жизни человека. Это духовная жизнь, трезвая, деятельная, вполне сознающая самоё себя. Это духовное чудо. Это непроизвольное благоговение перед святостью жизни. Это благодарность за жизнь, за сознание, за существование. Это живое сознание того, что наша жизнь берет начало из невидимого, трансцендентного и бесконечно щедрого Источника. Созерцание — это, прежде всего, осознание реальности этого Источника. Оно знает Источник, неясно, необъяснимо, но с уверенностью, превышающей разум и веру. Ибо созерцание — это своего рода духовное зрение, к которому, в сущности, стремятся и разум, и вера, т.к. без него они неизбежно остаются несовершенными. Однако созерцание это не зрение, потому что оно видит «не видя» и знает «не зная». Это глубочайшая вера, знание, слишком глубокое, чтобы его постичь в словах, образах или понятиях. На него можно намекнуть символами, но в тот момент, когда созерцающий пытается выразить, что он знает, он отрицает то, что утверждал, и отказывается от своих слов. Ибо в созерцании мы знаем, «не зная». Или, точнее, мы знаем, но по другую сторону знания или незнания.

У поэзии, музыки, искусства есть что-то общее с созерцательным опытом. Но созерцание идет дальше эстетической интуиции, дальше искусства, дальше поэзии. Оно идет дальше философии и умозрительного богословия. Оно превосходит, восполняет их, в то же самое время заменяя и отрицая. Созерцание всегда сверх и вне, за пределами нашего знания, наших систем, выше объяснений, рассуждений, выше нас самих. Чтобы войти в мир созерцания, надо в каком-то смысле умереть, но эта смерть оказывается выходом в высшую жизнь. Это смерть во имя той жизни, которая оставляет позади все, что мы знаем и ценим как нашу жизнь и мысль, наш опыт, наши радости.

Таким образом, созерцание вытесняет и отбрасывает все иные формы интуиции и опыта, будь то в искусстве, философии, богословии, в литургическом опыте, или на обычных уровнях любви и веры. Это отрицание, конечно, только мнимое. Созерцание совместимо со всем перечисленным, т.к. является завершением этого разнообразного опыта. Но в самом опыте созерцания все другое мгновенно исчезает. Оно «умирает» для того, чтобы снова родиться на более высоком уровне.

Другими словами, созерцание прикасается к знанию и даже опыту трансцендентного и невыразимого Бога. Оно познает Бога как бы коснувшись Его. Или вернее, как будто его невидимо ко-

снулся Бог... Коснулся Тот, у Кого нет рук, но Кто — подлинная реальность и источник всего, что существует. Поэтому созерцание — это неожиданный дар пробуждения к подлинно реальному. Это ясное сознание бесконечного Существа как основы нашего ограниченного существования. Осознание нашей случайной реальности как получаемой в дар от Бога, как свободный дар любви. Это то экзистенциальное прикосновение, которые мы имеем в виду, когда говорим — метафорически — что нас коснулся Бог.

Созерцание это также ответ на призыв Того, Кто не имеет голоса, и тем не менее говорит во всём, что существует, и Кто говорит в глубине нашего существа, ибо мы сами — Его слова. Но мы слова, которые должны Ему ответить, отозваться как эхо на Его призыв, и в каком-то смысле даже вместить и выразить Его. Созерцание именно такое эхо. Это отклик из самой глубины нашего духа, в которой сама наша жизнь теряет свой особый голос и отзывается величием и милостью Сокрытого и Живого. Через нас Он отвечает Самому Себе, и Его ответ это божественная жизнь, всеобновляющее божественное творчество. Мы сами становимся Его откликом и Его ответом. Как будто, творя нас, Бог вопрошал, а пробуждая нас к созерцанию, Он отвечает на этот вопрос, так что созерцающий оказывается одновременно и вопросом, и ответом.

Созерцательная жизнь подразумевает два уровня сознания: сознание вопроса и сознание ответа. Хотя это два разных и весьма отличных друг от друга уровня, они в то же время являются осознанием одного и того же. Сам вопрос является ответом, а мы сами — тем и другим. Но мы не можем осознать это, пока не перейдем на другой уровень сознания. Мы пробуждаемся и понимаем, что вопрос — свой же собственный ответ, а не что-то совершенно отличное. И это все можно суммировать в одном сознании — не посылке, а опыте — «Я есмь».

Созерцание, о котором идет речь, это не философия. Это не статическое сознание метафизических сущностей, воспринимаемых, как духовные объекты, неизменяемые и вечные. Это не созерцание абстрактных идей. Это религиозное восприятие Бога через жизнь в Боге или через «сыновство», как говорит Евангелие. «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим 8,14.16). «Тем же, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин 1,12). Итак созерцание, о котором здесь речь, это не обыкновенный религиозный дар. Его нельзя добиться самому умственным усилием, усовершенствованием наших естественных сил. Это не самовнушение, появляющееся в результате сосредоточения на своем внутреннем духовном суще-

стве. Это не плод наших усилий, а дар Божий, дар Бога, Который в Своем милосердии завершает тайный и непостижимый акт творчества, просвещая наши ум и сердце, пробуждая в нас сознание, что мы — слова, произнесенные в Его Едином Слове, что Дух Животворящий живет в нас и мы — в Нем. Что мы «во Христе» и Христос в нас. Что наша естественная жизнь восполнена, возвышена, преображена и завершена во Христе Святым Духом. Созерцание — это понимание и осознание, даже в каком-то смысле опыт того, во что каждый христианин неявно верит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2,20).

Поэтому созерцание больше, чем рассмотрение абстрактных истин о Боге, больше, чем даже эмоциональное размышление о том, во что мы верим. Это пробуждение, просвещение и удивительное интуитивное схватывание, путем которого любовь получает уверенность в творческом и динамическом вмешательстве Бога в нашу повседневную жизнь. Стало быть, созерцание не просто «находит» ясную идею Бога и заключает Его в пределах этой идеи и держит Его там, как узника, к которому оно всегда может вернуться. Напротив, созерцание уносится в Его царство, в Его тайну и свободу. Это чистое и девственное знание, бедное понятиями, еще более бедное логическими умозаключениями, но способное именно благодаря этой бедности и чистоте следовать за Словом.

А это не созерцание

Единственный способ избавиться от ложных представлений о созерцании — это испытать его самому. Того, кто не знает на собственном опыте природу этого порыва и пробуждения на новом уровне реальности, не может не вводить в заблуждение то, что обычно говорится о созерцании. Созерцанию нельзя научить. Его нельзя хорошо объяснить. На него можно указать символически, намекнуть. Чем более объективен и научен анализ созерцания, тем более оно лишается своего подлинного содержания, потому что этот опыт лежит за пределами логических обоснований и словесных выражений. Нет ничего более отталкивающего, чем псевдонаучное определение созерцательного опыта. Одна из причин этого в том, что такие попытки определения обычно соблазняются психологическим подходом, а адекватной психологии созерцания просто не существует. Описывать «реакции» и «чувства» значит помещать созерцание туда, где его нет — в область поверхностного сознания, где его можно наблюдать только путем рефлексии. Но и рефлексия, и сознание как раз и есть часть того внешнего «я», которое в подлинном пробуждении к созерцанию «умирает» и отбрасывается, как поношенная одежда.

Созерцание не может быть функцией этого внешнего «я». Существует неразрешимое противоречие между трансцендентной личностью, которая пробуждается только в созерцании, и поверхностным и внешним «я», которое мы обычно отождествляем с первым лицом единственного числа. Надо помнить, что это внешнее «я» не есть наша подлинная сущность. Это наша «индивидуальность» и наше «эмпирическое "я"», но это не тот сокровенный и тайный человек, в ком мы живем в глазах Божиих. То «я», что действует в мире, думает о себе, наблюдает за собственными реакциями и говорит о себе, не есть подлинное «я», которое соединилось с Богом во Христе. Оно не больше, чем одеяние, маска, личина той тайной и неизвестной личности, которую большинство из нас так и не находит до смерти*. Наше внешнее, поверхностное «я» не вечно, не духовно. Напротив. Это «я» обречено исчезнуть без остатка, как дым. Оно бесконечно хрупко и недолговечно. Созерцание это уверенность, что это «я» не есть «я», и пробуждение неизвестного «я», того, что за пределами наблюдения и рефлексии, и неспособного объяснить самого себя. Оно даже не может сказать «я» с уверенностью и дерзостью другого «я», т.к. в его природе оставаться скрытым, неназванным, неопознанным в обществе,

*Ад можно представить себе, как постоянное отчуждение от нашего подлинного существа, находящегося в Боге.

где люди говорят о себе и друг о друге. В таком мире подлинное «я» остается бессловесным и невидимым именно потому, что ему есть что сказать, но только не о себе.

Нет ничего более чуждого созерцанию, чем декартовское *cogito ergo sum* — «я мыслю, значит я существую». Это декларация отчужденного человека, изгнанного из собственных духовных глубин, вынужденного искать утешения в доказательстве собственного существования (!), основанном на наблюдении, что он «мыслит». Если мысль человека необходима для концепции его существования, то в таком случае он только отдаляется от своего подлинного существа. Он превращает себя в концепцию. Он лишает себя возможности непосредственно испытать тайну своего бытия. В то же время, превращая Бога в концепцию, он лишается возможности интуитивного познания божественной реальности, которую нельзя описать. Он приходит к собственному существу как к объективной реальности, другими словами, пытается осознать себя так, как оно осознает «предмет», чуждый самому себе. И он доказывает, что «предмет» существует. Он убеждает себя: «Я, следовательно, предмет». И дальше, он убеждает себя, что Бог, бесконечный, трансцендентный, так же есть «предмет», «объект», как другие конечные и ограниченные объекты нашей мысли!

Созерцание же, напротив, это опытное схватывание реальности как субъективной, не столько «моей», что означало бы «принадлежащей внешнему "я"», но «мною» в экзистенциальной тайне. Созерцание приходит к реальности не путем дедукции, но интуитивным пробуждением, в котором наша свободная и личная реальность осознает собственные экзистенциальные глубины, граничащие с тайной Божества.

Для созерцающего нет *cogito* «я мыслю» и нет *ergo* «а поэтому», но только *SUM* — «я есмь». Не в смысле тщетного утверждения нашей индивидуальности как окончательно реальной, но в смиренном сознании нашего скрытого существа как личности, в которой, с беспредельной добротой и непоколебимой властью, живет Бог.

Созерцание — удел не только пассивных и тихих натур. Это не просто инертность, склонность к бездеятельности, к психическому покою. Созерцающий не просто человек, который любит сидеть и думать, еще меньше человек с отсутствующим взглядом. Созерцание гораздо больше, чем вдумчивость или склонность к рефлексии. Конечно, в нашем мире бессмысленности и автоматизма нельзя относиться с пренебрежением к вдумчивому темпераменту. Такой темперамент как раз и может расположить к созерцанию.

Созерцание это не склонность к молитве или умение находить мир и удовлетворение в церковной службе. Молитва — церковная и частная — большое благо и почти необходимая подготовка для созерцательного опыта. Но молитва сама по себе никогда не может стать этим опытом. Созерцательная интуиция не имеет ничего общего с темпераментом. Хотя и случается, что человек тихого нрава становится созерцающим, но как раз пассивность характера может удержать его от той внутренней борьбы и того кризиса, через которые надо пройти на пути к более глубокому духовному пробуждению.

С другой стороны, случается, что активный и страстный человек внезапно и почти без борьбы пробуждается к созерцанию. Но надо сказать, что, как правило, некоторые деятельные натуры не расположены к созерцанию, и если и приходят к нему, то с большим трудом. Этим натурам, вероятно, даже не надо думать о созерцании или добиваться его, т.к. на этом пути они обычно перенапрягаются и их бесполезные усилия могут даже принести им вред. Эти люди — склонные к воображению и к активным завоеваниям — истощают себя попытками достичь созерцания, как будто это какой-то предмет, как богатство, общественное положение, профессорская или епископская кафедра. Но созерцание никогда не может быть объектом расчета и честолюбия. Его не до-

бываются, разумно строя планы, потому что это живая вода духа, которой мы жаждем, как загнанный олень жаждет воды в пустыне.

Не мы решаем пробудиться, но Бог решает разбудить нас

Созерцание это не транс и не экстаз, это не внезапное слышание несказуемых слов, не воображение света. Это не эмоциональный огонь и сладость, сопутствующие религиозной экзальтации. Это не исступление, не захватывающее и освобождающее стихийное мистическое безумие. Подобные состояния могут быть похожими на пробуждение к созерцанию, т.к. они выключают обычное сознание и контроль, осуществляемые нашим эмпирическим «я». Но они не являются следствием активности «глубинного "я"», а только результатом эмоций, соматического подсознания. Это прилив дионисийских сил нашего *id*. Такие проявления, конечно, могут сопутствовать глубокому и подлинному религиозному опыту, но, говоря о созерцании, я не их имею в виду.

Созерцание это и не дар пророчества, не способность читать в сердцах людей. Эти дары могут иногда сопутствовать созерцанию, но они не обязательны для него, и было бы ошибкой их смешивать.

Есть много иных возможностей выхода из эмпирического внешнего «я», которые могут казаться, но не являются созерцанием. Например, опыт коллективного энтузиазма, который захватывает и заставляет забывать себя в тоталитарной демонстрации или параде: подъем самодовольной партийной лояльности, которая вычеркивает совесть и прощает во имя Класса, Нации, Партии, Расы или Секты любой преступный уклон. Опасность и привлекательность этого ложного обаяния Нации и Класса заключаются именно в том, что они соблазняют и как будто удовлетворяют тех, кто больше не чувствует никакой подлинной духовной жажды. Ложная мистика массового общества захватывает тех людей, которые так отчуждены от себя и от Бога, что больше не способны на подлинное духовное переживание. И в то же время, именно эти суррогатные формы энтузиазма оказываются «опиумом для народа», заглушающим сознание наиболее глубоких и наиболее личных потребностей, отчуждающим людей от своей подлинной сущности, усыпляющим совесть и личность и превращающим свободных и разумных людей в пассивный инструмент неразборчивых политиков.

Пусть никто не ищет в созерцании избавления от конфликтов, сомнений и душевных мук. Наоборот, глубокая и словами невыразимая несомненность созерцательного опыта пробуждает в

душе трагические муки и поднимает множество вопросов, подобных незаживающим ранам. Ибо с укреплением уверенности возрастает поверхностное «сомнение». Это сомнение никоим образом не противостоит настоящей вере, но оно безжалостно исследует и ставит под вопрос ложную бытовую «веру», человеческую веру, которая не больше, чем пассивное принятие общепринятого мнения. Эта ложная «вера» — по которой мы часто живем и которую нередко смешиваем с нашей «религией» — подвергается неумолимому анализу. Эти муки — как бы испытание огнем, в котором сам свет невидимой истины, коснувшийся нас в созерцании, заставляет нас ставить под вопрос и в конце концов отвергать все предрассудки и условности, которые мы до тех принимали чуть ли не за догматы. Созерцание — это не просто пассивное согласие с существующим порядком вещей, как иногда утверждают; это свело бы его на уровень духовного наркоза. Созерцание — не болеутоляющее. Но каким пожаром в нем полыхают и превращаются в пепел старые изношенные слова, штампы, лозунги, рационализации! Хуже всего, что даже по видимости святые понятия пожираются огнем вместе со всем остальным. Это жуткое разрушение и сожжение идолов, очищение храма, чтобы ничто созданное человеком не занимало места, которому Бог повелевает быть незанятым: центр, экзистенциальный алтарь, который просто «есть».

В результате этого созерцающий мучается сознанием того, что он больше не знает, что такое Бог. Он может понимать — или же не понимать, — какое это огромное завоевание, т.к. Бог это не «что», не «вещь». И это именно одна из основных черт созерцания. Оно видит, что нет такого «что», которое можно назвать Богом. Нет такой «вещи» — Бог, ибо Бог не «что» и не «предмет», а чистое Кто*. Он тот «Ты», перед которым наше сокровенное «я» осознает самого себя. Он это «Я Есмь», пред Кем нашим самым личным и настоящим, неотъемлемым голосом мы отзываемся: «я есмь».

Уединение, не разъединение

Вероятно, иногда становятся отшельниками, думая, что святости можно достигнуть, только уйдя от людей. Но единственное оправдание сознательного уединения это уверенность, что оно по-

*Это не нужно понимать в том смысле, что человек действительно не имеет понятия о Божественной природе. Но в созерцании абстрактные понятия Божественной сущности не играют важной роли, ибо они заменены конкретной интуицией, основанной на любви Бога, как Личности, а не «природы» или «предмета», которые являются объектом изучения или собственного желаяния.

может любить не только Бога, но и людей. Если идешь в пустыню только чтобы уйти от тех, кто тебе неприятен, не найдешь ни мира, ни уединения, но уединишься с бесами.

Человек ищет целостности потому, что он образ Единого Бога. Целостность подразумевает уединение, и, следовательно, необходимость быть физически одному. Но целостность и уединение — это не метафизическая изолированность. Тот, кто изолирует себя, чтобы получить независимость для своего эгоистического и внешнего «я», сам распадается на множество противоречащих друг другу страстей и в конце концов запутывается и теряет связь с реальностью. Уединение ни в коем случае не должно быть самолюбованием и диалогом «я» с самим собой. Такое само-созерцание является бесплодной попыткой утвердить свое ограниченное «я» как бесконечное, сделать его полностью независимым от других людей. А это безумие. Надо заметить, однако, что это безумие не характерно для отшельников, оно гораздо чаще встречается среди тех, кто пытается утвердить свое собственное превосходство путем подчинения других. Это более обычный грех.

Жажда подлинного уединения — сложная и опасная вещь, но это реальная жажда. Она становится все более реальной в наши дни, когда коллективное начало все больше и больше стремится поглотить личность в свою бесформенную и без-

личную массу. Соблазн нашего времени — уравнять любовь с конформизмом, т.е. с пассивной подчиненностью массовому уму или организации. Этот соблазн только усиливается бесплодным бунтом тех оригиналов, которые любой ценой хотят быть «непохожими» и тем самым создают для себя лишь новый вид скуки — скуку, которая не предсказуема, а неожиданна.

Подлинное уединение — это жилище личности, ложное уединение — прибежище индивидуалиста. Личность создается неповторимой и творческой способностью любить, способностью сочувствовать всем существам, созданным и любимым Богом. Эта способность уничтожается с потерей перспективы. Без некоторой доли уединения не может быть со-чувствия, потому что когда человека затягивает в механизм общественной машины, он перестает воспринимать потребности каждого отдельного человека как личную ответственность. Можно убежать от людей, бросившись в гущу толпы.

Уединяйся, но не для того, чтобы убежать от людей, но чтобы найти их в Боге.

Физическое уединение имеет свои опасности, но их не нужно преувеличивать. Великий соблазн современного человека не физическое уединение, а погружение в толпу, не бегство в горы или в пустыню (дай Бог, чтобы люди соблазнились этим!),

но бегство в огромное бесформенное море безответственности, т.е. в толпу. Действительно, нет более опасного уединения, чем уединение человека, потерянного в толпе. Он не знает, что он один, и в то же время не ведет себя как личность в обществе. Он не встречается с опасностью и ответственностью подлинного уединения, и в то же время массовость снимает с его плеч всякую ответственность. Однако, он никоим образом не свободен от забот; он отягчен расплывчатым, анонимным беспокойством, безымянным страхом, мелкими, щекочущими страстишками и всепроникающей враждебностью, наполняющими массовое общество, как вода наполняет океан.

Жизнь среди других людей не означает непременно, что мы живем в общении с ними или даже просто имеем с ними сношения. Ведь массовому человеку нечего сказать. И очень часто есть что сказать как раз отшельнику-одиночке. Хотя он и не многословен, но то, что он говорит, ново, существенно, неповторимо. Он говорит свое. Хоть говорит он мало, у него есть то, что он хочет передать другим, что-то личное, чем он может поделиться с другими. Он может дать другим что-то реальное, потому что он сам реален.

Когда люди живут скученно, но без подлинного общения, кажется, что они делятся друг с другом больше и общаются глубже. На самом деле это не общение, а погружение в общую бессмыс-

ленность бесчисленных и бесконечно повторяемых лозунгов и штампов, так что в результате их слушают, не слыша, и отвечают на них, не думая. Постоянный звон пустых слов и машинного шума, нескончаемые оглушающие громкоговорители в конце концов делают подлинное общение и связь между людьми почти невозможными. В массе каждая индивидуальность изолирована толстым слоем нечуткости. Такому человеку все равно, он не слышит, он не думает. Он не действует, его толкают. Он не говорит, он производит условные звуки, вызываемые соответствующим шумом. Он не думает, он выделяет штампы.

Сама по себе жизнь в одиночку не изолирует человека, как и жизнь сообща не непременно приводит к общению. Общая жизнь может сделать человека больше или меньше личностью, в зависимости от того, подлинно ли это общая жизнь или только жизнь в толпе. Если человек хочет остаться человеком, совершенно необходимо жить в общении, в долгом диалоге с людьми. Но жить среди людей, не разделяя с ними ничего, кроме общего шума и рассеяния, — это изолирует человека больше чего-либо другого и почти непременно отделяет его от реальности. Такая жизнь отделяет и отъединяет человека от других людей и от своего подлинного «я». Грех не в убежденности в своем отличии от других, а в уверенности, что быть таким, как все, вполне достаточно, что-

бы покрыть любой грех. Достаточно скверно самодовольство человека, наслаждающегося своим превосходством, но оно более почтенно, чем самодовольство человека, не имеющего чувства собственного достоинства, потому что у него нет даже поверхностного собственного «я», достойного уважения. Он не личность, не индивидуальность, а только атом. Это атомизированное существование иногда превозносят как смирение или самопожертвование, иногда его называют послушанием, иногда — преданностью диалектике классовой борьбы. Оно ведет к своего рода миру, который по существу не мир, а только бегство от неотступно требовательного чувства конфликта. Это мир не любви, а наркоза. Это не мир самоизоляции, а бегство в безответственность.

Нет подлинного уединения, кроме уединения внутреннего. А внутреннее уединение невозможно для того, кто не имеет надлежащего отношения к другим людям. Подлинный мир невозможен для того, кто воображает, что случайность таланта, привлекательной внешности или добродетели отделяет его от других людей и ставит выше их. Уединение это не отъединение, не разобщенность.

Бог дает нам таланты и добродетели не только для нас самих. Мы члены друг друга, и все, что дано одному члену, дано для всего тела. Я мою ноги не для того, чтобы они были лучше моего лица.

Святые ценят свою святость не потому, что она отъединяет их от всех нас и ставит выше нас, но потому, что, напротив, она приближает их к нам и в каком-то смысле ставит их ниже нас. Их святость дана им для того, чтобы они могли помогать и служить нам; как святые, так доктора и сестры милосердия лучше, чем больные, потому что они здоровы и владеют искусством лечить, и все-таки они остаются служителями больных и посвящают им свое здоровье и свое умение.

Святые являются святыми не потому, что святость делает их предметом любования для людей, а потому, что дар святости делает их способными любоваться всеми людьми. Святость дает им зоркость со-чувствия, которое способно найти добро в самых страшных преступниках. Она избавляет их от бремени судить и осуждать других людей. Она учит их вызывать добро в других сочувствием, милостью, прощением. Человек становится святым не потому, что убежден, что он лучше грешников, но потому, что он понимает, что он один из них и что нам всем вместе нужна Божья помощь.

В смирении величайшая свобода. Покуда тебе нужно защищать свое воображаемое «я», которое считаешь важным, ты теряешь свой душевный покой. Как только начинаешь сравнивать свою тень с тенями других людей, теряешь всю ра-

дось, потому что это мир нереального, а в том, что не существует, радости нет.

Как только начинаешь принимать себя слишком всерьез и воображать, что твои добродетели важны потому, что они твои, становишься пленником своего собственного тщеславия, и даже твои лучшие поступки начинают ослеплять и обманывать тебя. Тогда, из самозащиты, обращаешь внимание на грехи и ошибки других людей. И чем большее значение придаешь себе, чем больше утверждаешь высокое мнение о самом себе, тем больше осуждаешь других. Иногда и добродетельные люди бывают несчастны и ожесточены, потому что они бессознательно поверили, что все их счастье зависит от того, что они добродетельнее других.

Когда смирение избавляет человека от привязанности к собственной репутации, он открывает, что совершенная радость возможна только тогда, когда мы полностью забываем себя. И только когда мы больше не обращаем внимания на наши собственные действия, на нашу репутацию, на нашу исключительность, только тогда мы становимся совершенно свободными и можем подлинно служить Богу и только Ему.

Человек, который не наг и не беден в душе, будет бессознательно стремиться действовать ради собственного блага, а не во славу Божию. Он бу-

дет добродетелен не потому, что он принимает волю Божию, но потому, что хочет любоваться своими собственными добродетелями. Однако каждая минута будет приносить ему какое-то неудовлетворение, которое будет его огорчать и делать нетерпеливым, и эта нетерпеливость его выдаст.

Он намеревался совершить удивительные поступки, он не может представить себя без нимба над головой. А когда события его будней настойчиво напоминают ему о его собственной незначительности и посредственности, ему стыдно, и его гордость отказывается принять правду, которая, однако, не должна удивлять здравого человека.

Даже профессионально благочестивые, и иногда именно они, тратят время, состязаясь друг с другом в благочестии, но это не приносит ничего, кроме горя.

Христос неоднократно упрекал Своих апостолов, когда они спорили и ссорились друг с другом за первые места в Царстве Небесном. Двое из них, Иаков и Иоанн, домогались получить места по Его правую и левую руку... В житиях святых не редкость, когда святые не соглашались друг с другом. Петр не всегда был согласен с Павлом... А иногда очень святые люди были трудными и невыносимыми в жизни. Если это кажется неправдоподобным, то только потому, что обычно дума-

ют, будто святые были всегда совершенны и что им не приходилось бороться со своими недостатками. Но Бог иногда попускает, чтобы люди сохраняли некоторые дефекты и несовершенства, «белые пятна» и чудачества, даже после того, как они достигли высокой степени святости, и благодаря этому их святость остается скрытой от них самих и от других людей. Если бы святость святых была всегда ясно видна каждому, святые никогда не достигли бы совершенства, к которому приходят путем испытаний, критики и противодействия со стороны тех, с кем они живут.

Будь доволен тем, что ты еще не святой, хотя ты и знаешь, что единственное ради чего стоит жить, — это святость. Тогда ты отдаешь себя Богу, чтобы Он вел тебя к святости непонятными тебе путями. Будешь идти в темноте, но не будешь больше занят собою и не будешь больше сравнивать себя с другими. Те, кто пошли этим путем, в конце концов осознали, что святость во всем и что Бог везде. Отказавшись от желания соревноваться с другими людьми, они неожиданно пробуждаются и узнают, что радость Господа везде, и что они радуются добрым делам других людей больше, чем когда-либо радовались своим собственным. Они так ошеломлены Божиим отражением в душах окружающих людей, что уже не могут осуждать. Даже в величайших грешниках они способны видеть добро, которого никто не

видит. А что касается самих себя, если они и думают о себе, то больше не решаются сравнивать себя с другими. Теперь сама эта мысль становится невозможной. Но это больше не является источником страдания и жалоб: они достигли той точки, где принимают свои незначительность как должное. Они больше не заинтересованы в своем внешнем «я».

Если я создан по образу Божию, то причина моего существования — любовь, потому что Бог — любовь. Любовь — это моя подлинная сущность. Самоотдача — мое подлинное «я». Любовь — мой подлинный характер. Любовь — мое имя.

Поэтому, если я что-то делаю, думаю или говорю не из любви к Богу, оно не может дать мне ни мира, ни удовлетворения, ни радости.

Чтобы обрести любовь, я должен войти в святилище, где она скрыта — в тайну Божию. А чтобы войти в Его святость, я должен стать святым, как Он свят, совершенным, как Он совершен.

Как могу я даже сметь так думать? Разве это не безумие? Да, это безумие, если я думаю, что знаю, что такое святость и совершенство Божие, и если я думаю, что могу попробовать им подражать. Другими словами, надо начать с осознания, что святость Божия для меня, как и для других людей, есть нечто тайное, непостижимое, выше

самого высшего представления о совершенстве, за пределами человеческих определений.

Чтобы стать «святым», надо сделаться чем-то, чего не понимаешь, чем-то таинственным и скрытым, чем-то видимо противоречивым, потому что Бог, во Христе, «истощил Себя». Он стал человеком и жил среди грешников. Его считали грешником. Его предали смерти, как хулителя, как кого-то, кто хотя бы и не прямо, но отрицал Бога, кто взбунтовался против святости Божией. И действительно, главным вопросом на суде и при осуждении Христа было именно отрицание Бога и отрицание его святости. И Сам Бог был предан смерти на кресте, потому что Он не подходил под человеческую мерку его святости... Он был недостаточно свят. Он был не так свят, как они хотели. Он был свят не так, как они ожидали, поэтому Он не был Богом. И действительно, Он был покинут даже Самим Собой. Как будто Отец отказался от Сына, как будто Божественная Сила и милосердие стали совершенно недействительными.

Тем, что Он умер на кресте, Христос проявил святость как бы в явном противоречии со святостью. Это проявление святости было полным отрицанием и отказом от всех человеческих идей святости и совершенства. Божия мудрость стала безумием для людей, и Его сила проявила себя как слабость, и Его святость в их глазах не была свя-

той. Но в Писании сказано: «Высокое у людей — мерзость пред Богом» (Лк 16,15); и еще: «Мои мысли — не ваши мысли» (Ис 55,8), — говорит Господь.

Итак, если мы хотим найти путь к святости, мы должны сперва отказаться от нашего собственного пути и нашей собственной мудрости. Мы должны «истощить себя», как истощил Себя Он. Мы должны «отказаться» от себя и в каком-то смысле превратить себя в «ничто», чтобы жить не в себе, а в Нем. Мы должны жить силой и светом, которых как будто нет. Мы должны жить силой видимой пустоты, которая всегда действительно пуста и в то же время в любой момент может поддержать нас.

Вот это и есть святость.

Этого нельзя достигнуть собственными усилиями, соревнованием с другими людьми. Это значит оставить пути, понятные людям. Без любви я не могу стать любовью, если Любовь не сделает меня Собою. Но если Он пошлет Свою Любовь, Себя, чтобы действовать и любить во мне и во всем, что я делаю, тогда я буду преображен, я узнаю, кто я, я овладею моей подлинной сущностью, потеряв себя в Нем.

И вот это называется святостью.

Тело с переломанными костями

Пока мы живем на земле, любовь, которая объединяет нас, будет приносить нам боль самым контактом друг с другом, потому что эта любовь — «составление Тела из переломанных костей». Даже святые здесь на земле не могут жить друг с другом без какой-то доли страдания и боли от различий, разделяющих людей. Есть два возможных ответа на боль разъединения с людьми: любовь или ненависть.

Ненависть отшатывается от жертвы и скорби — цены этого «составления костей». Она отказывается от боли воссоединения.

В каждом слабом, потерянном и изолированном члене человеческого рода есть мука ненависти, рождающаяся от собственной беспомощности и отъединенности. Ненависть — это признак и выражение одиночества, недостойности, недостаточности. И постольку, поскольку каждый из нас одинок и недостойн — каждый ненавидит самого себя. Некоторые сознают эту само-ненависть и из-за нее упрекают и наказывают самих себя. Но наказание не может излечить чувства собственного недостойности. Мы ничего не можем изменить, покуда чувствуем, что мы изолированы, не-

полноценны, беспомощны, одиноки. Другие, менее отдающие себе отчет в этой самоненависти, реализуют ее иным путем, перенося ее на других. Есть гордая и самоуверенная ненависть, сильная и жестокая, которая наслаждается ненавидением, потому что она направлена наружу, на недостойнство другого. Но эта сильная и довольная собой ненависть не сознает, что, как всякая ненависть, она разрушает и пожирает ненавидящего, а не ненавидимого. Ненависть в любой форме саморазрушительна, и даже, торжествуя физически, она торжествует на развалинах собственного духа.

Сильная ненависть, которая ненавидит с удовольствием, сильна потому, что она не считает себя недостойной и одинокой. Она чувствует поддержку бога войны, мстительного и разрушительного духа. От таких жаждущих крови богов человеческий род был уже освобожден — великим усилием и страшной скорбью — смертью Бога, Который предал Себя на крест и пострадал от патологической жестокости Своего собственного творения — людей, из жалости к ним же. Победив смерть, Он открыл им глаза на реальность любви, которая не задает вопросов о достоинствах, любви, которая побеждает ненависть и уничтожает смерть. Но люди отказываются от этого божественного откровения всепрощения и возвращаются к старым богам войны, которые нена-

сытно пьют человеческую кровь и пожирают человеческую плоть. Служить богам ненависти легко, ибо они питаются поклонением коллективного фанатизма. Чтобы служить богам ненависти, нужно только быть ослепленным коллективной страстью. Чтобы служить Богу Любви, надо быть свободным, надо принять страшную ответственность решения любить вопреки всякому недостоинству, будь то в себе или в другом.

В корне всякой ненависти — гложущее, мучительное чувство недостойности. Тот, кто способен ненавидеть сильно и со спокойной совестью, самодовольно слеп к своим недостаткам; он видит свои недостатки в других. Но тот, кто сознает свое собственное недостойство и видит недостойство своего ближнего, искушается более тонкой и более мучительной ненавистью: всеобщей, опаляющей, тошнотворной ненавистью всего и всех, потому что все заражено недостойством, все нечисто, все грешно. Эта слабая ненависть на самом деле является слабой любовью. Тот, кто не может любить, чувствует себя недостойным и в то же время, что каким-то образом никто недостойн...

В подлинно христианском понимании Божьей любви идея достоинства теряет свое значение. Откровение Божьего милосердия делает всю проблему достоинства чем-то почти смешным. Открытие, что «достоинство» не имеет особой ценно-

сти (ибо, строго говоря, никто и никогда сам по себе не может быть достойным такой любви), является подлинным освобождением духа. И пока это открытие не сделано, пока это освобождение не совершилось божественным милосердием, человек закабален ненавистью.

Гуманистической любви недостаточно. Покуда мы убеждены, что никого не ненавидим, что мы милостивы, что мы добры от природы, мы обманываемся; просто наша ненависть тлеет под серой золою самодовольного оптимизма. Мы по видимости в мире со всеми, потому что мы думаем, что мы достойны. На самом же деле мы просто потеряли способность подойти к вопросу недостойности. Но когда милость Божия избавляет нас, «недостойство» не имеет больше смысла.

Ненависть пытается излечить разъединение уничтожением тех, кто не объединены с нами. Она ищет мира, исключая всех, кроме себя. А любовь — своим приятием боли разъединения — начинает залечивать раны.

Вот хорошая примета «Божьей воли» в судьбе человека: она есть во всем, что требуется от нас, чтобы мы были едины друг с другом в любви. При желании это можно назвать основным принципом естественного закона: с другими надо обращаться так, как мы хотим, чтобы они обращались с нами, не делать другому того, чего мы не хотим

себе. Другими словами, естественный закон состоит попросту в том, что мы должны признавать в каждом человеке ту же самую природу, те же самые потребности, те же самые права, как в нас самих. В самой простой форме это звучит так: обращаться с другими, как с людьми. Не вести себя так, как будто только я человек, а каждый другой человек — животное или мебель. Ясно, что жить поистине человеческой жизнью нельзя, последовательно нарушая этот основной принцип.

Но невозможно относиться к другим людям как к людям, если нет к ним сочувствия. Должно быть хотя бы настолько жалости, чтобы понять, что когда другие страдают, они чувствуют примерно то же, что чувствую, страдая, я. И если я не испытываю такого сочувствия к другим произвольно, тогда воля Божия в том, чтобы я делал то, что в моих силах, чтобы научиться этому. Надо научиться разделять с другими их радости и страдания, их мысли, их нужды и желания. Надо научиться этому не только в тех случаях, когда эти другие принадлежат к тому же классу и профессии, к той же расе и нации, что и я, но даже и тогда, когда они принадлежат к тем группам, которые считаются враждебными. Поступая так, человек подчиняется воле Божией, отказываясь от этого, он нарушает волю Божию. И здесь нет места для собственных мнений и настроений.

Поскольку это воля Божия о каждом человеке, а созерцание не дается тому, кто не подчиняется воле Божией, оно недоступно тому, кто не старается вырабатывать в себе сочувствие к другим людям.

Ибо христианство это не только доктрина или система верований, это Христос, живущий в нас и объединяющий людей друг с другом в Своей жизни и в Своем единстве. «Я в них и Ты во Мне, да будут они совершены воедино...» (Ин 17,23). «И славу, которую Ты даровал Мне, Я даровал им, да будут едино, как Мы едино» (Ин 17,22). «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13,35).

«Не любящий... пребывает в смерти» (1 Ин 3, 14).

Тот, кто рассматривает созерцание главным образом как средство от горестей человеческой жизни, как уход от страданий, от борьбы за воссоединение с другими людьми, не знает, что такое созерцание, и никогда не найдет Бога в своем созерцании. Именно в восстановлении нашего единения с нашими братьями во Христе мы открываем Бога и познаем его. Его жизнь проникает в наши души и Его любовь овладевает нами, и мы получаем возможность узнать, кто Он, из опыта его милосердия, освобождающего нас из темницы само-интереса.

Существует только одно настоящее бегство из мира, это не бегство от конфликтов и страданий, но бегство от разобщенности и отдаления в единство и мир через любовь к людям.

Что такое «мир», о котором Христос не молился и о котором Он сказал, что Его ученики в нем, но не принадлежат ему? Мир — это беспокойный град тех, кто живет для себя и поэтому разделены сами в себе и друг против друга в борьбе, которой нет конца, которая будет вечно длиться в аду. Это град борющихся за обладание и за монополию на вещи и удовольствия, которые недоступны для всех.

Но если попытаешься убежать из этого мира, просто уйдя из этого града и укрывшись в одиночество, то только возьмешь этот град с собой в свое уединение; и в то же время можно быть совершенно вне мира, оставаясь в нем, если дать Богу освободить себя от своего собственного эгоизма и начать жить только для любви.

Ибо бегство от мира не что иное, как бегство от само-интереса и само-заботы. И тот, кто запирается наедине со своим эгоизмом, ставит себя в положение, в котором зло в нем самом или овладевает им, как бес, или сводит его с ума.

Вот почему опасно предаваться уединению только потому, что приятно быть одному.